

Ковнеров О.

*доцент кафедри філософії, соціально-політичних і правових наук
Донбаського державного педагогічного університету*

УДК 342+347(091)(082)

**ФІЛОСОФСЬКО-ПРАВОВЕ ОБҐРУНТУВАННЯ СПРАВЕДЛИВОСТІ
Б. ЧИЧЕРІНИМ ТА ВОЛ. СОЛОВЙОВИМ**

Розглянуто проблему справедливості в російській філософській традиції кінця ХІХ – початку ХХ століття, у контексті філософсько-правового обґрунтування Б. Чичериним та Вол. Соловйовим.

Ключові слова: *справедливість, право, моральність, рівність, свобода, добро, зло, відплата, благо, лібералізм.*

Ковнеров А.

*доцент кафедри філософії, соціально-політичних і правових наук
Донбасского государственного педагогического университета*

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ
Б. ЧИЧЕРИНЫМ И ВЛ. СОЛОВЬЕВЫМ**

Рассмотрена проблема справедливости в русской философской традиции конца ХІХ – начала ХХ века, в контексте философско-правового обоснования Б. Чичериним и Вл. Соловьевым.

Ключевые слова: *справедливость, право, нравственность, правда, равенство, свобода, добро, зло, воздаяние, благо, либерализм.*

Kovnerov A.

*associate professor of the chair of philosophy, social-political and legal sciences
Donbass State Pedagogical University*

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL JUSTIFICATION OF THE PROBLEM
OF JUSTICE B. CHICHERIN AND VL. SOLOVIEV**

The problem of justice in the Russian philosophical tradition, the end of ХІХ – beginning of the ХХ century, in the context of the philosophical and legal substantiation B. Chicherin and Vl. Soloviev.

Key words: *justice, law, morality, truth, equality, freedom, good, evil, reward, benefit, liberalism.*

Філософсько-правове обґрунтування справедливості Чичерин зв'язує з Гегелевським положенням об здійсненні ідеї свободи в об'єктивному світі, яка виражається в співвідношенні закону і свободи як співвідношення примусового

(государственного закона) и добровольного (нравственного закона). «Первое, - поясняет Чичерин, - касается внешних действий, составляющих область внешней свободы, которая одна подлежит принуждению, второе обращается к внутренним побуждениям, истекающим из свободы внутренней. Из первого рождается право; второе составляет источник нравственности.

Общим разумным естественно-правовым началом, которое служит руководством, как для установления закона, так и его осуществления, является «правда, или справедливость». Самое слово показывает, что оба эти понятия, право и правда, проистекает из одного корня. «И все законодательства в мире, которые понимали свою высокую задачу, пишет Чичерин, - стремились осуществить эту идею в человеческих обществах».

Правда (справедливость) связана с началом равенства, «Справедливым, - пишет Чичерин, - считается то, что одинаково прилагается ко всем». В этом состоит равенство перед законом, высокий идеал, к которому стремятся человеческие общества и которого многие уже достигли. Сознание этого идеала издавна лежало в душе человеческой. Отсюда старинное требование, чтобы правосудие изрекало свои приговоры, невзирая на лица. Поэтому правда нередко изображается держащей весы с завязанными глазами, в знак беспристрастия. Но осуществление этого начала в общественной жизни было делом долгой истории и упорной борьбы. Только в новейшее время оно получило преобладание над разными историческими наростами.

В силу этого начала, закон устанавливает общие для всех нормы и одинаковые для всех способы приобретения прав. Самое же осуществление этих прав и пользование ими предоставляются свободе. Закон устанавливает, например, право собственности и способы ее приобретения, но он не определяет, что кому оно должно принадлежать: это – дело самих лиц.

При таком свободном взаимодействии лиц возможны столкновения прав. Разрешение этих столкновений есть дело правосудия. Оно решает, что по Закону принадлежит одному и что другому. Это начало вытекает из самой природы человеческой личности: все люди суть разумно-свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собою. Признание этого коренного равенства составляет высшее требование правды, которая с этой точки зрения носит название правды уравнивающей.

Со ссылкой на римских юристов Чичерин пишет, что правда состоит в том, чтобы каждому воздавать свое. При этом он, следуя

Аристотелю, различает правду уравнивающую (с принципом арифметического равенства) и правду распределяющую (с принципом пропорционального равенства).

Равенство трактуется Чичериним как формальное юридическое равенство, как равенство перед законом. С этих позиций он критикует социалистические идеи и проницательно отмечает, что «материальное равенство» неизбежно ведет к полному подавлению человеческой свободы, к обобществлению имуществ, к обязательному для всех труду, к «деспотизму массы».

Принцип арифметического равенства, по Чичерину, действует в сфере гражданской, в области частных отношений и частного права, а принцип пропорционального равенства – в сфере политической, в области публичного права. Но эти два начала, по Чичерину, не противоречат друг другу. Причем с позиций индивидуализма Чичерин (в противоположность гегелевской трактовке) подчеркивает, что начало распределяющей справедливости (и политическая сфера) не господствует над людьми и над частными отношениями: распределяющая справедливость (как идеальное и высшее начало) получает свое бытие от уравнивающей справедливости – от признания лица свободным и самостоятельным субъектом. «Там, где государственное начало поглощает в себе частное или значительно преобладает над последним, это отношение может дойти до полного уничтожения гражданского равенства, с чем связано непризнание лица самостоятельным и свободным деятелем во внешнем мире. Это и есть точка зрения крепостного права».

В ходе обоснования справедливости с точки зрения нравственного закона и свободы Чичерин отмечает, что человек различает добро и зло, нравственные действия и безнравственные; это – факт, не подлежащий сомнению. Но также, несомненно, и то, что он далеко не всегда соотносит свое поведение с этими понятиями; весьма часто он уклоняется от того, что он сам признает добром, и следует тому, что он признает злом. И это – факт всеобщий и очевидный. Откуда же проистекают эти понятия и отчего поведение человека далеко не всегда с ними согласуется?

Фактически, нравственность тесным образом связана с религией, которая дает ей самую надежную опору. Человек, который верит в Бога и в будущую жизнь, с наградами и наказаниями, распределяемыми всемогущим и премудрым Существом, исполняет с убеждением предписанный Им нравственный закон и терпеливо переносит жизненные невзгоды, нередко сопряженные с этим исполнением.

Как утверждает Чичерин, ставя себя самого целью своих действий, я должен в одинаковой степени ставить целью и других, мне подобных. Отсюда религиозное правило: «... возлюби ближнего своего, как самого себя...». Отсюда и философское правило: «... разумное существо должно быть для тебя целью, а не средством...».

Эти отношения, как сказано, могут быть двоякого рода, отрицательные и положительные, откуда проистекает двоякое требование: 1) не вредить другим; 2) делать другим добро.

Мы видели, что и право есть формальное начало, устанавливающее границы внешней свободы и предоставляющее человеку в этих пределах действовать по своему усмотрению. Нравственность требует уважения к праву, ибо она требует уважения к человеческой личности и охраняющему ее закону; но она ограничивает пользование правом. Обращаясь к внутренней свободе человека, она налагает на него обязанность воздерживаться от такого употребления права, которое противоречит нравственному закону.

Чичерин рассматривает справедливость в существовании человеческих союзов, без которых нет истинно человеческой жизни, нет ни права, ни нравственности. Высшее правило общественной жизни, как юридическое, так и нравственное, состоит в соблюдении правды, то есть, в воздаянии каждому того, что ему принадлежит.

Нравственное требование состоит не в том, чтобы преследовать свои выгоды, а в том, чтобы уважать чужие. Поэтому там, где властвует большинство, нравственное требование состоит в том, чтобы уважать права и интересы меньшинства; и, наоборот, там, где властвует меньшинство, требуется уважение к правам и интересам большинства. Только этим удовлетворяется правда, составляющая верховный закон всего юридического, освященного нравственностью порядка. К этому и должно быть направлено внутреннее устройство человеческих обществ.

В частности, государство есть союз людей, образующий единое, постоянное и самостоятельное целое. В нем идея человеческого общества достигает высшего своего развития. Прежде всего, как союз юридический, оно призвано устанавливать и охранять нормы права. Мы видели, как утверждает Чичерин, что существеннейшая сторона права состоит в установлении общих обязательных норм, одинаковых для всех. Однако, форма права, которая выражается в государственном законе, есть право публичное. Им, по мнению Чичерина, определяются не отношения

свободных лиц друг к другу, а отношения членов к целому. Поэтому здесь закон не может быть один для всех. Права властей и права подчиненных не одни и те же. Здесь, отмечает Чичерин, господствуют начала не правды уравнивающей, а правды распределяющей, которая воздает каждому то, что ему принадлежит, сообразно с его значением и призванием в общем союзе. Высшей же целью достижения правды или справедливости в государстве, как союзе людей, заключается в достижении общего блага [1, с. 736-753].

Таким образом, философско-правовое обоснование справедливости, Чичерин связывает с идеей свободы в объективном мире, которая выражается в соотношении закона и свободы как отношение принудительного (государственного закона) и добровольного (нравственного закона). При этом общим разумным естественно-правовым началом Чичерин называет правду, которая связана с равенством пред законом, как идеалом, который составляет высшее требование правды.

Чичерин различает правду уравнивающую, которая действует в сфере гражданской, в области частных отношений и частного права и правду, распределяющую в сфере политической, и в области публичного права, утверждая, что распределительная правда (справедливость) получает свое бытие от уравнивающей правды (справедливости).

Обоснование справедливости Чичерин связывает с добром и злом, нравственными и безнравственными действиями человека. Он показывает суть философско-религиозных отношений в обосновании справедливости, которые заключаются в требовании: не вредить другим; делать другим добро.

Чичерин рассматривает справедливость в существовании человеческих союзов, высшим правилом общественной жизни которых является соблюдение правды, то есть, в воздаянии каждому того, что ему принадлежит.

Другим важным аспектом философско-правового обоснования справедливости является полемика между Б. Чичериным и Вл. Соловьёвым, которая была освещена в статье И. Кацаповой [2, с. 41-51].

Эта полемика не только имела историческое значение, но и во многом предопределила круг творческого восприятия философско-правовых проблем. В частности, Вл. Соловьёв, предложивший доктрину «оправдание добра», практически задал интенцию этической направленности в философской и юридической мысли России конца XIX – начала XX столетия. И что важно – именно

влияние его идей обусловило эволюцию взглядов теоретиков права в направлении истолкования естественно-правовой идеи в духе традиционных христианских ценностей.

Надо отметить, что в обширной юридической и философской литературе в большей мере освещается содержательный аспект дискуссии, в основном обсуждаются и анализируются философско-правовые концепции Вл. Соловьева и Б. Чичерина на проблему соотношения в них права и нравственности, границ индивидуальной свободы и равенства, правды и справедливости.

Согласно общепринятому мнению, Чичерин находился под заметным влиянием идей Г. В. Ф. Гегеля, но единственное, в чем Чичерин, несомненно, был верен Гегелю и решительно следовал за ним, так это в его учении о диалектике.

Совершенно другое – творчество и личность, Вл. Соловьева. Теоретическое богатство его философского наследия, несомненно: его творчество особым образом вписывается в контекст русской идеалистической философии XIX века и вполне закономерно представляет собой ее своеобразный синтез.

Самобытность творчества Владимира Соловьева заложена в его исходной позиции, которую сам философ обозначил «как «Богочеловечество», как «конкретный», открытый миру идеализм на религиозной христианской основе» [3, с. 37]. Русский мыслитель связывал философское творчество с позитивным разрешением жизненного вопроса, понимая его как реализацию христианского идеала.

Понятно, что столь различные в своих жизненных принципах и в теоретических приоритетах мыслители вряд ли могли прийти к полному соглашению, несмотря на то, что оба они чрезвычайно высоко оценивали профессиональную компетентность друг друга.

Любопытно то, что интересы Чичерина и Соловьева пересекались не только на философской ниве, но и на почве философии права, где практически и проявлялись их мировоззренческие и методологические разногласия в принципах и приоритетах. Следует сразу сказать относительно философско-правовых взглядов Соловьева: они находятся в иной плоскости, чем юридически оформленное мировоззрение Чичерина. Поэтому в его философской системе «учение о праве» практически не существует само по себе, «вне связи с его общими этическими взглядами» [3, с. 20].

Согласно Соловьеву, стремление ограничиться только формальным пониманием права приводит к утрате его действительного содержания. Право не может трактоваться как

абсолютное начало, вполне независимое от нравственности. Основным стремлением философа в этой связи было желание найти то общее, что связывало бы право и нравственность [4, с. 446]. Чичерин, напротив, пытался доказать разнонаправленность понятий нравственности и права. Но протест Чичерина против отождествления права и нравственности не следует обобщать с позитивистским подходом к праву, согласно которому, право выражает только известное соотношение сил и интересов. Чичерин твердо придерживался концепции, что кроме нравственного закона существуют другие законы и нравственность должна с ними сообразоваться [4, с. 693]. По Чичерину, государство развивается по своим собственным законам и представляет собой внешнюю сторону исторической жизни, тогда как нравственные вопросы являются внутренней стороной человеческой жизни.

На самом деле Чичерину был близок Кант, который рассматривал право и нравственность как два разных типа этики: «этику справедливости» и «этику добродетели». Подобно молодому Соловьеву Чичерин, по сути, солидаризировался с этой концепцией, заменив слово «добродетель» словом «любовь». Различие между правом и нравственностью определялось им как качественная разница между законом правды (то есть юридической справедливости) и законом любви. Закон правды требует воздавать каждому свое, тогда как закон любви предписывает человеку жертвовать собой во имя ближнего своего. В отличие от закона правды, закон любви не может быть принудительным: «Примером того, до чего может довести забвение этого, - писал Чичерин, - является коммунизм – идеология принудительного братства, противоречащая достоинству человека и приводящая к его полному порабощению» [6, с. 114].

Настаивая на разграничении права и нравственности, Чичерин принципиально противостоял Соловьеву в этом вопросе и потому, что был правоведом, профессиональным юристом, и потому, что, будучи классическим либералом, прежде всего, отстаивал автономию личности, принципиально критикуя соборное всеединство этической концепции Соловьева. Свободная человеческая личность, независимая от общественного целого, является исходным пунктом философии права Чичерина: во-первых, потому что она автономна, во-вторых, потому что только свободная личность способна и может пользоваться правом [10, с. 105]. Право в концепции Чичерина является «первым и руководящим принципом человеческой жизни» [10, с. 415-416] как условие свободы. Персонализм Чичерина опирается на идеал

неприкосновенности личности, из которого функционально проистекают и гражданское общество, и право, и мораль.

Собственно, Соловьев также признавал автономную ценность права и, соответственно, проводил черту, отделяющую право от нравственности, считая, что связь между правом и нравственностью особенно очевидна при их различении. В «Критике отвлеченных начал» [1880] он использовал для этого формулу А. Шопенгауэра: «Никому не вреди, но всем, насколько можешь, помогай». Первая часть формулы определяла область права, т. е. область негативно понятой справедливости, обеспечивающей личную свободу и формальное равенство; вторая – относилась к нравственности, т. е. к области положительных, но добровольно исполняемых обязанностей, регулируемых христианским идеалом любви. Такое определение задач права сводило к минимуму сферу правового регулирования и, таким образом, согласовывалось с доктриной классического либерализма. Сам Владимир Соловьев не думал ограничиваться заботой лишь о «негативной справедливости», напротив, идеал «свободной теократии» заставлял его стремиться к воплощению в земных формах положительного Добра. Противоречие это привело его к существенному пересмотру взглядов на нравственность и право и по существу к определению права, как принудительного требования определенного минимума нравственности. В этой концепции, предложенной в «Оправдании добра», фигурировали следующие положения: во-первых, требования права строго ограничены, тогда как чисто нравственные требования (например, любовь к врагам) являются, по существу, неограниченными и всеобъемлющими; во-вторых, хотя требования права минимальны по сравнению с требованиями нравственности, они ориентируют на обязательную реализацию минимального добра в общественной жизни; в-третьих, нравственность полагает добровольное исполнение своих требований, тогда как право допускает принуждение и даже требует его. Положение о принудительной реализации определенного минимума добра было выдвинуто Соловьевым в противовес «нравственному субъективизму» Л. Толстого, отстаивавшего идею морального совершенствования личности при полном отрицании других форм реализации добра.

Согласно Соловьеву, требуемый правом минимум добра включает в себя требование обеспечения всем людям «достойного человеческого существования», чтобы всякий человек имел право не только на обеспечение средств существования и достаточный физический отдых, но также мог пользоваться досугом для своего

духовного совершенствования. Разумеется, выполнение указанных требований предполагало разные ограничения индивидуальной свободы.

В отличие от либеральных идей Соловьева, либерализм Чичерина отличался этатизмом и прагматизмом, а также апологией государственной дисциплины и порядка. В своем мировоззрении Чичерин своеобразно сочетал идеи либерализма и консерватизма, его либерально-индивидуалистическая позиция сводилась к идее обоснования необходимости реформирования института российского самодержавия, и возможности продвижения к гражданскому обществу при обязательном наличии наследственной конституционной монархии. Он развивал идеи охранительного либерализма, лозунгом которого был тезис: «либеральные меры и сильная власть», и был твердо уверен, что реализовать его идеалы можно только в рамках правового государства, отстаивающего либеральные ценности и защиту прав человека под эгидой конституционной монархии.

Конечно, особую интенсивность дискуссия приобрела после выхода книги Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» [1897], ставшей главным событием интеллектуальной жизни России.

Программное значение книги, и это важно отметить, заключается в том, что нравственная философия здесь является наукой не о морали как таковой, а наукой о добре. Соловьев стремился показать добро «как правду, то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца – для всех, кто решится предпочесть его» то есть «добро по существу» [5, с. 98].

Однако в концепции Вл. Соловьева добро «само по себе» «ничем не обусловлено», но «все собою обуславливает и через все осуществляется» [5, с. 96], то есть философ акцентировал внимание на практически ориентирующей силе добра, на вопросе «о должном содержании или смысле нашей жизни» [5, с. 98]. Проблемы затронутые и рассмотренные в книге «Оправдание добра», по сути, сориентированы на возможность именно в социальной реальности оправдать добро «как таковое», определить для человека тот жизненный смысл, который бы не просто способствовал безмятежному его существованию с совершенно приземленными потребностями – жить, есть, и пить, но позволял раскрыть перед человеком жизнеутверждающие ценности качества его бытия. Согласно Соловьеву, жизненная задача человека «первоначально и окончательно определяется не просто самим добром» [9, с. 96], а его внутренним свойством. Рассмотрение

«добра» в его непосредственной связи со смыслом жизни как собственного предмета нравственной философии является исключительно важной и продуктивной особенностью нравственной философии Соловьева.

Понятно, что Б. Чичерин, в отличие от Вл. Соловьева, не стремился к созданию философско-нравственной концепции, тем более не рассматривал ее как смысл жизни. По существу главным желанием Чичерина было дать определенное понимание действительности через призму юридически, а не этически закрепленных личных прав и свобод лица и, соответственно, защиты от любых на них посягательств. Принципиальная критика Чичериным этики Соловьева сводилась к критике исходного примата в ней целого над частью, соборного всеединства над индивидуальной свободой, которые, как считал он, могут утвердить и особые формы деспотизма, подобные социализму [8, с. 65-66].

Между тем, часто непримиримая позиция Чичерина в полемике уходит на задний план, после вполне вразумительных и адекватных разъяснений Соловьева, данных в ответ на его возражения. Например, когда Чичерин настаивает на том, что разница между нравственностью и правом является не количественной, а качественной, Соловьев, отвечая Чичерину, показывает, что «минимум» в контексте его рассуждений есть не более чем «количественная метафора». Ведь окончательная формула права у Соловьева звучит так: «Право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага» [7, с. 40]. Философ понимает необходимость принудительного добра как «окраину добра», относя его исключительно в правовую сферу. Право «в объективном отношении к нравственности» есть «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [10, с. 35]. Соловьев объясняет на чем, собственно, основано данное принудительное требование и «совместим ли этот принудительный порядок с порядком чисто нравственным» [10, с. 38-39]. Если допустить, что «совершенное добро утверждается в сознании как безусловный идеал, то, не следует ли предоставить каждому, свободно реализовать его в меру своих возможностей? Зачем возводить в закон принудительный минимум нравственности, когда совесть требует свободно исполнять максимум добра? Зачем с угрозой объявлять: не убей, когда следует кротко внушать: не

гневайся?» [10, с. 42]. Можно заметить, что в данных рассуждениях философа право рассматривается практически в том же ключе, что и в концепции Чичерина.

Обобщая тему дискуссии между двумя выдающимися отечественными философами права Б. Чичериным и Вл. Соловьевым, необходимо подчеркнуть, что эта полемика имела не только историческое значение, но и предопределила круг творческого восприятия философско-правовых проблем, которые обсуждают и анализируют концепции справедливости Соловьева и Чичерина в соотношении права и нравственности, индивидуальной свободы и равенства.

Таким образом, в ходе философско-правового анализа проблемы справедливости Б. Чичерин и Вл. Соловьев обращают внимание на отдельные аспекты в обосновании данной категории, в частности:

- справедливость получила свое обоснование в идее свободы, как соотношение принудительного (государственного закона), касающегося внешних действий, из которого рождается право и добровольного (нравственного закона), касающегося внутренних побуждений, составляющих источник нравственности;

- справедливость показана, как правда, как равенство пред законом, как высший идеал, который заключается в требовании правосудия, как одного из начал вытекающих из природы человеческой личности; правда определяется, как уравнивающая и распределяющая справедливость; распределяющая справедливость, как идеальное и высшее начало, получает свое бытие от уравнивающей справедливости – от признания лица свободным субъектом;

- справедливость заключается в требовании существования человеческих союзов, без которых нет истинно человеческой жизни, нет ни права, ни нравственности; высшее правило общественной жизни, как юридическое, так и нравственное, состоит в соблюдении правды, то есть, в воздаянии каждому того, что ему принадлежит. Нравственное требование справедливости состоит не в том, чтобы преследовать свои выгоды, а в том, чтобы уважать чужие; там, где властвует большинство, требование справедливости состоит в том, чтобы уважать права и интересы меньшинства, и, наоборот, там, где властвует меньшинство, требуется уважение к правам и интересам большинства; высшей целью достижения правды (справедливости) в государстве, как союза людей, заключается в достижении общего блага;

- правда или справедливость показана «как добро, то есть единственный, правый, верный себе путь жизни во всем и до конца – для всех, кто решился предпочесть его»; добро «как таковое» определяется для человека как жизненный смысл, который раскрывает перед человеком жизнеутверждающие ценности качества его бытия; справедливость как позитивное решение жизненного вопроса заключается в реализации христианского идеала, проявляющегося в теории «богочеловеческого процесса», как совокупного спасения человечества; справедливость как закон правды определяется требованием воздаяния каждому своего, а справедливость, как закон любви предписывает человеку жертвовать собой во имя ближнего своего.

Литература

1. История политических и правовых учений: Хрестоматия для юридических вузов и факультетов / Сост. и общ. ред. проф., д-р ист. наук Г. Г. Демиденко. – Харьков: Факт, 1999. – 1080 с.
2. Кацапова И. А. История и современность: о дискуссии между Б. Чичериным и В. С. Соловьевым / И. А. Кацапова // Философские науки. 2012. № 3. – С. 41-51.
3. Гурвич Г. Д. Два величайших русских философов права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев / Г. Д. Гурвич // [http // law. edu. Ru / magazine / article. asp? mag1D = 5 & magnum = 4 & ma](http://law.edu.ru/magazine/article.asp?mag1D=5&magnum=4&ma).
4. Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права / А. С. Яценко. – СПб., 1999. – 700 с.
5. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. Собр. соч. В 2 т. Т.1 / В. С. Соловьев – М.: Мысль, 1988. – С. 96-98.
6. Чичерин Б. Н. О началах этики / Б. Н. Чичерин // Вопросы философии и психологии. 1897. № 4. – С. 114.
7. Чичерин Б. Н. Вопросы политики / Б. Н. Чичерин – М., 1906. 2-е изд. – С. 40.
8. Чичерин Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1998. – С. 65-105.
9. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. Собр. соч. В 2 т. Т.1 / В. С. Соловьев – М.: Мысль, 1988. – С. 90-98.
10. Соловьев В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев – М.: Мысль, 1999. – С. 35-40.